

2 ДЕКАБРЯ

Утром 2 декабря Элоиза и Лена зашли в «Джингл-бар», как и многие из тех, кто видел бездыханное тело Элиз. Они устроились за круглым столиком. Вскоре к ним присоединились Романа и Андреа, а затем Мария — еще одна постоянная посетительница кладбища, которая после смерти бабушки стала для Элоизы огромной поддержкой благодаря своей доброте и отзывчивости.

Было так странно находиться здесь сегодня.

Кафе было полностью украшено к Рождеству, и на площади в шестьдесят квадратных метров царила праздничная атмосфера. За стойкой, над большим зеркалом, украшенным веточками остролиста, возвышался улыбающийся бюст Санта-Клауса. По обе стороны зеркала стояли полки с бутылками и рождественской посудой, мерцающие в свете разноцветных гирлянд. Стены были сплошь увешаны картинами и безделушками с изображением Санты и его помощников. А одна стена — та, что вела к туалетам, — и вовсе скрывалась за красно-зеленым светящимся занавесом.

Все вокруг кричало о веселье и празднике. Музыка не смолкала ни на минуту. Праздничные мелодии со всего света бодро неслись на улицу через колонки, висящие над витриной, покрытой трафаретными рисунками снежинок.

И так было всегда. Рождество здесь праздновали круглый год.

Для одних «Джингл-бар» служил убежищем от одиночества. Для других — невероятно фотогеничной достопримечательностью, созданной для соцсетей. Третьи считали его воплощением безвкусного китча и морщились при одном упоминании о баре.

Равнодушным это место не оставляло никого.

Для Элоизы оно было чем-то вроде пасхалки Пруста. Слишком много воспоминаний связывало его с любимой бабушкой. Каждую субботу зимы Арабелла приводила ее сюда выпить...

— Какао! — объявил хозяин заведения и поставил перед ней любимую кружку — тираннозавра в красно-белом колпаке.

Жоэль Бонфуа неизменно носил рождественские свитера — уродливые, но чистые, а порой даже выглаженные. К ним прилагались вельветовые брюки и домашние туфли с потертыми подошвами. От него пахло корицей и гвоздикой, а говорил он так же, как подавал горячие напитки: мягко, внимательно и с бесконечным терпением.

В свои шестьдесят два года Жоэль оставался сердцем «Джингл-бара». И это сердце произносило «хо-хо-хо» даже в июне.

Элоиза взяла фарфорового динозавра и поднесла горячий напиток к губам.

— Сегодня я добавил побольше корицы. Так будет немного легче пережить случившееся. Это ужасно... — тихо сказал он, прежде чем разнести напитки остальным. — До сих пор не могу поверить, что Элиз больше нет.

— Присядьте с нами, Жоэль, — предложила Лена. — Пожалуй, вы знали Элиз даже лучше нас...

Это была чистая правда. Хозяин бара, с бархатным голосом и походкой старого плюшевого медведя, обладал поразительной способностью: он помнил имена всех своих клиентов, их любимые напитки и даже возраст их собак.

— С тех пор как она поселилась в нашем квартале, в восемьдесят шестом, — подтвердил он, подтягивая стул. — Мне тогда было двадцать три. Я только получил бар в наследство и понятия не имел, что с ним делать. Именно с нее все началось: она заказала мой самый первый коктейль — «Бонни и Клайд»...

Он осекся и украдкой смахнул слезу с круглой щеки. Казалось, сама мысль о том, что Элиз больше никогда не попросит свой любимый напиток, была для него невыносимой.

Лена накрыла его руку своей.

— Это ведь вы нашли ее?

— Да. Сегодня утром. Но, по предварительным выводам полиции, она упала с балкона еще вечером. Я был в баре, однако ничего не слышал. До сих пор не могу себе этого простить.

Для Жоэля, который относился к постоянным гостям почти как к родственникам, случившееся в нескольких шагах от заведения стало настоящим ударом.

— Вы бы уже ничем не смогли помочь... И чего ее понесло кормить этих проклятых птиц! — с досадой бросила Лена.

— Каких птиц? — удивилась Элоиза.

— Вокруг тела нашли множество крошек, — пояснила Андреа Силва. — Полицейские решили, что она сорвалась вниз, когда пыталась задать корм своим пернатым.

Журналистка неловко кашлянула. Ей было немного стыдно располагать сведениями, которых еще не знали близкие Элиз. Однако работа над некрологами и природное любопытство заставляли ее держаться рядом со следствием.

— Кстати, а где ваши девочки? — спросила Лена. — Для школы еще слишком рано.

— Соседка выручила меня этим утром. Я...

— Подождите, — перебила Элоиза, сама пораженная тем, как громко прозвучал ее голос. — Вы хотите сказать, что полиция считает это несчастным случаем? Это невозможно!

Все взгляды тут же устремились на нее, и Элоиза почувствовала, что краснеет до кончиков ушей. Но это ее не остановило. Поняв, что сумела завладеть вниманием собравшихся, она уже собиралась продолжить, но тут в бар вошли двое новых посетителей: Арман, загадочный архитектор, и Бетти, та самая девушка, которую Элоиза встретила ночью на кладбище. Мужчина быстро оглядел помещение, заметил компанию и уверенно направился к их столику.

— Можно?

— Вообще-то... здесь собрались люди, которые знали Элиз, — осторожно заметила Лена.

— Я как раз из их числа, — спокойно ответил он. — До сих пор не верится, что ее больше нет. Она была невероятно жизнелюбивой женщиной.

Не дожидаясь приглашения, Арман отодвинул стул и сел рядом с Романой, оставив за собой легкий шлейф табака и ветивера. Романа слегка отодвинулась и прикусила заусенец на большом пальце.

Неловкость повисла в воздухе. Жоэль решил немедленно ее развеять.

— Кажется, я еще не видел вас здесь. Дайте угадаю: вам колы и кружочек апельсина?

— Признаюсь, у меня настоящая зависимость от кокаколы, — подтвердил загадочный архитектор. — Но апельсин, пожалуй, будет лишним.

Говорил он почти так же быстро, как Элоиза, удивительным образом сочетая уверенность в себе с подчеркнутой вежливостью. А его безукоризненный французский только усиливал впечатление. Помимо воли очарованная его голосом, Элоиза слегка наклонилась к нему.

— У Жоэля есть особый дар. Уверена, вам понравится, — доверительно прошептала она.

— Что ж, тогда попробуем и апельсин. Господин?..

— Бонфуа, — ответил тот. — Но все зовут меня Жоэль.

— А я Арман Дюфрен.

Пользуясь моментом, Элоиза поискала взглядом Бетти и увидела, что та устроилась за соседним столиком, который только что освободил другой посетитель. Элоиза улыбнулась ей и уже собиралась пригласить присоединиться, когда чья-то рука легла ей на предплечье.

— Подожди-ка, моя дорогая. О чем ты говорила до того, как этот господин нас прервал?

Мария Флорес, жизнерадостная португалка слегка за сорок, никогда не оставалась незамеченной. Да и как не обратить на нее внимание? Сережки в форме сердечек, цветастые платья, кружившиеся вокруг бедер при каждом шаге, мужской парфюм, предупреждавший о ней за три секунды до ее появления, и этот смех — громкий, заразительный, на который люди оборачивались и даже самые угрюмые невольно начинали улыбаться. Она врывалась в любую комнату, словно латиноамериканская песня, включенная на полную громкость в старом радиоприемнике: яркая, теплая и совершенно не склонная спрашивать разрешения занять собой все пространство. Но за украшениями и кокетливыми шутками скрывалась куда более печальная история, которой она делилась редко — только с теми, кому действительно нужно было ее услышать. История женщины, однажды сказавшей: «Больше никогда».

Помимо временной работы кассиром в супермаркете, Мария иногда пела в барах и состояла в организации, помогающей жертвам домашнего насилия. Феминистка до кончиков ногтей, она при этом оставалась обаятельной сердцежкой, перед которой многим было трудно устоять.

— Простите, — смущенно пробормотал Арман. — Я не хотел мешать.

— Охотно верю, — ответила Мария, пристально глядя ему в глаза.

Между ними мгновенно началась безмолвная дуэль. Обычно Элоизу подобные сцены забавляли — она любила наблюдать за людьми, — но сегодня у нее не осталось сил на чужие конфликты.

— Это не может быть несчастным случаем, — повторила она, стараясь вернуть разговор в нужное русло. — Мама Но сама сказала мне вчера: она больше не кормит птиц. Она физически не смогла бы выйти на балкон. Ей даже ногу нормально согнуть было трудно!

Неужели только она помнила, как тяжело приходилось Маме Но? Ее непослушное колено, боли, которые она неизменно преуменьшала... Ведь именно поэтому она и согласилась на помощь социального работника.

Элоиза обвела взглядом зал. Наконец ее внимание остановилось на невысоком мужчине с растрепанными каштановыми волосами, который, ссутулившись, прислонился к стойке бара. Кажется, она видела его совсем недавно? Или ей показалось?

Жан-Люк Клермон обладал удивительной способностью оставаться незамеченным. И все же в нем было что-то такое — простое, доброе, чуть неуклюжее, — что располагало с первой минуты. Хотелось сразу же либо доверить ему все свои секреты, либо угостить чашкой горячего кофе. Его манеры напоминали скаута старой закалки, а в речи то и дело проскакивали старомодные словечки и выражения, которые он охотно подхватывал у своих подопечных.

Элоиза помахала ему, но он не заметил, полностью погруженный в собственную боль. Тогда она пересела поближе к нему на высокий табурет и мягко коснулась его руки.

— Кажется, вы были близки с Элиз?

Он поднял на нее глаза.

— Пять лет. Почти каждый день заходил к ней. Да, мы стали очень близки. Она называла меня своим «мальчишкой», хотя я давно уже не мальчик.

На его губах мелькнула грустная улыбка.

— Она никогда не упускала случая сделать что-нибудь приятное. Всегда находила доброе слово, не забывала про праздники и мой день рождения...

Он достал тканевый платок и громко высморкался.

Элоиза дала ему немного времени собраться с мыслями, а затем тихо спросила:

— Вы видели ее вчера вечером?

Он кивнул, не скрывая слез.

— Да. После раздачи супа.

— Ничего необычного не заметили?

— Нет. Как всегда, предложил помощь. Хотя бы чтобы убедиться, что она крепко заперла дверь. Но Элиз меня отчитала, и я не стал настаивать. Я тогда спешил...

Он замолчал и потер переносицу.

— Мне еще нужно было занести продукты мадам Готье. А она, сами понимаете, если уж заведет свою шарманку, так просто не отпустит. Ну и потом у меня было свидание... которое обернулось полной катастрофой.

Он произнес это почти шепотом, словно упрекая себя за минутную слабость.

Элоиза мягко кивнула. Она чувствовала: Жан-Люк рассказал еще не все. Стоило копнуть глубже.

— Почему вам было так важно убедиться, что она заперла дверь?

Он опустил глаза и тяжело вздохнул.

— В последнее время она сильно уставала...

— Настолько, что могла забыть?

Жан-Люк заерзал на стуле. Ему явно не хотелось выдавать чужие тайны. Он глубоко вдохнул, и этот вдох больше напоминал всхлип.

— У нее случались провалы в памяти... И говорила она порой странные вещи. То о спрятанных сокровищах, то о пиратах. Покупала шампанское, хотя едва сводила концы с концами. Я думал, это пройдет. Советовал ей поменьше

возиться с четверговыми раздачами супа, но вы же ее знаете... Упрямее осла.

Он попытался улыбнуться, однако улыбка тут же превратилась в болезненную гримасу.

Элоиза вспомнила их с Элиз вчерашний разговор о шампанском. Тогда ей показалось, что это всего лишь шутка. Ни на секунду не пришло в голову, что за этим может скрываться потеря связи с реальностью. Неужели она пропустила очевидное? Неужели пожилая женщина начала терять рассудок, а она, студентка факультета психологии, ничего не заметила?

В этот момент Жоэль обошел стойку с большим подносом и принялся расставлять напитки.

— Не верю ни единому слову, — заявил он. — Итак... кола с апельсином для Армана, венский горячий шоколад для Марии, грейпфрутовый сок для Лены, двойной эспрессо для Андреа, молоко с сиропом гренадин для Романы, второй какао для Элоизы. Жан-Люк, вам, как обычно, воды?

— Пожалуй, возьму то же, что и Элоиза, — ответил тот, с завистью глядя на ее чашку. — Что-то захотелось... Похоже, мне сейчас не помешает немного утешения.

— Подожди, Жоэль, — нетерпеливо перебила Лена. — Сначала объясни, почему ты уверен, что Элиз не теряет рассудок. В ее возрасте это вовсе не удивительно.

— Ей было семьдесят пять. Не такой уж преклонный возраст. Всего на четырнадцать лет больше, чем тебе. Ты вот чувствуешь, что впадаешь в старческий маразм?

— Нет. Но я за собой слежу.

Лена говорила редко, но каждое ее слово звучало как окончательный вердикт. В ее сухом и твердом тоне не оставалось места для споров.

Жоэль понял намек и отправился принимать новый заказ.

— А Элиз о себе не заботилась, — сказал Жан-Люк.

— По ней было незаметно, — возразил Арман.

Почитать описание и заказать
в МИФе

Смотреть книгу

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

Проза:

